

В ПЕРВЫЕ мы встретились с Симой Берницкой много лет назад, как раз в тот день, когда члены пединститутского драмкружка были взбудоражены неожиданной и радостной вестью: к нам для организации драматической студии направлен из театра режиссер.

Мы с интересом смотрели на дверь, и вот она открылась: в аудиторию стремительно вошел очень оживленный, очень молодой человек. Он энергично откинул со лба пышные черные волосы и, блестя глазами, с интересом оглядел нас. Это был Зиновий Яковлевич Корогодский, ныне заслуженный деятель искусств РСФСР, главный режиссер Ленинградского ТЮЗа. Мы затрепетали: еще бы — настоящий режиссер, из того удивительного мира, который с такой силой манил нас к себе!

За ним следом вошла худенькая светловолосая девушка и молча села в сторонке. Но когда мы стали читать, а потом обсуждать пьесу Горького «Последние», девушка вдруг заговорила и высказала столько интересных мыслей и точных наблюдений, что мы, студенты-философы, только рты от удивления раскрыли, особенно после того, как нам стало известно, что она студентка физмата. Это и была Сима Берницкая.

Сима Берницкая давно превратилась в строгую учительницу математики Серафиму Викторовну. Годы унесли с собой юность и хрупкость, но они оказались бесцельны что-либо изменить в ее душе. Все также, как и прежде, влюблена она в искусство театра. Все также загораются ее глаза, когда говорит она о спектаклях, ролях, о своем любимом Кадужском ТЮЗе.

К работе в ТЮЗе Серафима Викторовна относится трепетно и серьезно, как к своей второй профессии, такой же необходимой и нужной людям, как и ее основная профессия педагога. Она чувствует себя педагогом и на сцене, когда разговаривает с детьми на самом убедительном языке — языке художественных образов.

...Вот на сцену торопливо выходит полная, простоволосая женщина в огромном фартуке дворника. Глаза ее светятся ласково, улыбка мягкая. Воркующим голосом начинает утешать она девушку, которую заржали мальчишки только за то, что она рыжая. Так начинается спектакль ТЮЗа «Трени-брен» — страстный, гуманистический протест против человеческой тупости,

закосневшей стандартности мышления, отвергающей все то, что необычно, что выпадает из привычного стереотипа.

Добрая, милая, ласковая тетя Даша! Но почему зритель постепенно начинает с неприятием смотреть на нее? Да потому, что доброта тети Даши — это доброта непритворности, невмешательства, то «добро», под благодатной сенью которого так уютно чувствует себя зло. Так, казалось бы, в образе обыкновенной тети Даши Серафима Вик-

риса театра О. Каскевич. Ее Василиса была возвышенной, поэтической, былинной. Серафима же Викторовна, сделав свою героиню совершенно земной, реальной, нашла возможность и в этой роли утвердить добро как борьбу, как подвиг.

В этой роли Серафима Викторовна развивает те черты человеческого характера, которые всегда ее привлека-

тельно-этического идеала Серафима Викторовна идет и другим путем — активного отрицания всего того, что противоречит этому идеалу. Все, что ей ненавистно и неприемлемо в человеке, она осмеивает со сцены зло и беспощадно. И та нетерпимость, которая свойственна характеру Серафимы Викторовны в жизни, отчетливо ощущается в манере игры, когда она создает так называемые «отрицательные образы». Свообразие этой манеры — в энергичности оцен-

ЖИЗНЬ МОЯ — ТЕАТР!

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
АКТРИСЫ ТЮЗа
СЕРАФИМЫ БЕРНИЦКОЙ

торовна увидела значительную морально-философскую проблему.

СИМА БЕРНИЦКАЯ в то время, когда она пришла в драматическую студию пединститута, была старше нас. До поступления в институт она уже работала, уже были у нее трудные встречи с жизнью, которую она знала не только с радостных и светлых сторон. У нее росла маленькая дочка. И мы все тоже вдруг почувствовали в ней «маму». Мы шли к ней со своими печалью и горестями, сомнениями и надеждами и знали, что Сима сделает все, чтобы помочь, а если помочь окажется невозможным, то она ответит на доверие таким искренним и глубоким сочувствием, от которого на душе станет светлее и легче. И когда много лет спустя мы увидели в спектакле ТЮЗа «Два клена» мать-воительницу, энергичную, деятельную, волевою, мы сразу узнали в ней свою «маму».

Серафима Викторовна в работе над ролью всегда стремится идти своим путем, она никогда не повторяет рисунка роли дублера, как бы ни был он хорош. Роль Василисы в спектакле «Два клена», кроме Берницкой, играла еще и старейшая акт-

ли и которые с наибольшей полнотой воплотились в Арбузовской Тане. Ей всегда так мечталось ее сыграть!

Жаль, что Таню Серафиме Викторовне так и не пришлось сыграть, но из сыгранных ею ролей любимой стала роль служанки Дорины в спектакле «Тартюф» Мольера, созданная ею еще в студии З. Я. Корогодского, который стал для нее первым учителем, открывшим ей тайны сценического мастерства. В несколько традиционным образе ловкой и хитроумной служанки увидела Серафима Викторовна ту мудрость, то великодушное сердце, ту активность добра, которые всегда были сутью утверждаемого актрисой со сцены морально-этического идеала. Энергичная и быстрая, с белокурыми кудряшками и лукавыми глазами Дорина жила на сцене в бурном движении, вдохновенно создавая хитроумные планы спасения своих вялых и безвольных хозяев. Живой ум этой девушки из народа, ее доброе сердце делали ее выше и значительно всех окружающих ее титулованных господ, и Дорина Берницкой стала подлинной героиней спектакля.

В утверждении своего мо-

ки, в подчеркнутой яркости красок, которая, впрочем, никогда не лишает образ живых человеческих черт не превращает его в карикатуру.

Особенно ненавистен Серафиме Викторовне тип человеческого характера, обобщенный в образе Бабахи в инсценировке по «Сказке о царе Салтане» Пушкина.

Строя этот характер на контрасте внешнего и внутреннего, раскрывает актриса отвратительную суть человеческого двуличия. Вот только что сладенькая улыбочка кривила губы Бабахи, и вдруг за личиной показного добродушия обнаружилась такая преступная бесчеловечность, которой не может быть никогда и никакого оправдания. И актриса судит свою героиню самым суровым судом — оружием беспощадного смеха.

КАЖДЫЙ ВЕЧЕР, закончив занятия в школе, спешит Серафима Викторовна в свой родной ТЮЗ. Последние минуты перед спектаклем, последние приготовления — и маленькая светловолосая девушка — внучка Серафимы Викторовны — зачарованно смотрит, как меняется под гримом лицо ее бабушки. И кто знает, может быть, в эти вот самые мгновения незримо закладываются основы будущей династии актеров-любителей, верных и бескорыстных борцов за высокие идеалы современности.

А. ШУРКИНА.